

A person with their back to the camera, wearing a red cape, stands on a stone balcony overlooking a vast city. The city is densely packed with buildings featuring red-tiled roofs. In the center, a large mosque with a prominent dome and several tall, slender minarets stands out against the sky. The scene is framed by stone walls on either side, and the overall atmosphere is one of historical grandeur and panoramic beauty.

Сергей (Вождь)

Тени Византии

Сергей (Вождь) Тени Византии

<https://litres.ru/73882154>

SelfPub; 2026

Аннотация

Константинополь, эпоха упадка Византийской империи. Молодой Димитриос, расследуя волну массовых видений и слухов о «знамениях», обнаруживает страшный заговор. За мистическими символами на стенах скрывается коварный план: с помощью психоактивных веществ правящая верхушка манипулирует сознанием горожан. Но самое страшное открытие ждёт героя впереди: за заговором стоит тот, кому он доверял больше всех, — его собственный дядя. Теперь Димитриос должен не только разоблачить преступников и спасти город от массового мора, но и найти в себе силы противостоять близкому человеку. Тени Византии скрывают правду — и лишь он способен её раскрыть.

Сергей (Вождь) Тени Византии

Глава 1. Врата Востока

Константинополь дышал. Он дышал тяжело, прерывисто, как старый воин, привыкший к боли. Его дыхание — смесь запахов ладана и тухлой рыбы, специй с Востока и дыма от кузнечных горнов — окутывало улицы, проникало в ноздри, оседало на языке.

Димитриос стоял на террасе дворца Вуколеон и смотрел вниз, на Золотой Рог. Вода мерцала, как чешуя мифического змея. Корабли теснились у причалов: византийские дромоны с резными драконьими головами, неуклюжие торговые суда из Венеции, узкие длинные ладьи норманнов. А среди них — новые, незнакомые флаги с вышитыми крестами.

Крестоносцы прибыли.

Он почувствовал их ещё вчера — не глазами, а нутром. Воздух стал гуще, напряжённее. В тавернах зазвучали чужие языки, на улицах появились закованные в железо чужаки с горящими глазами фанатиков. Они смотрели на золотые купола Святой Софии так, будто это были не храмы, а трофеи.

Город раскинулся перед ним, как живая карта империи. На юге — Большой дворец, резиденция василевсов, чьи мозаичные залы помнили Юстиниана. К востоку — дворец Вукелеон, примостившийся над самой водой, с мраморными львами у ступеней. Вдалеке, на холме, сверкала Святая София — купол, будто опрокинутое небо, окружённый башнями-стражами.

Улицы вились змеями: Меса, главная артерия, вела от Золотых Ворот к форуму Константина. По бокам — лавки мянл, аптеки с заспиртованными диковинками, харчевни, откуда доносился запах жареного барашка и чеснока. Над всем этим — стены Феодосия, могучие, семиметровые, с башнями, словно костяшки гигантского чётки.

Но Димитриос видел и другое. Тени в переулках шептали о ересях, шпионах, заговорах. У цистерн собирались очереди — ходили слухи о яде в водопроводе. На площадях фанатики выкрикивали пророчества о конце времён, а паломники крестились при виде каждого креста.

Димитриос провёл рукой по шраму на щеке — давний подарок от печенежского клинка. Когда-то он сражался на границах империи. Теперь его оружие — не меч, а слово, взгляд, умение читать между строк императорских указов. Тайный следователь при канцелярии самого Алексея I Ком-

нина. Охотник за теньями, что скользят в переулках Вечного Города.

Он вспомнил, как неделю назад видел странный знак на стене церкви Святого Георгия — круг с тремя пересекающимися линиями. Местный священник поспешно замазал его известью, бормоча молитвы. А позавчера в квартале Влахерн нашли мёртвого ребёнка — без следов насилия, но с открытыми глазами, застывшими в ужасе. Горожане шептались: «Это они. Чёрные братья вернулись».

— Господин, вас ждут, — тихо произнёс евнух в шёлковом хитоне. Его голос, высокий и ровный, резанул слух.

Димитриос обернулся. Слуга держал свиток, перевязанный пурпурной лентой — знак срочности и важности. Печать с двуглавым орлом не оставляла сомнений: приказ императора.

— Что случилось? — спросил Димитриос, беря свиток.

Евнух опустил глаза:

— В Святой Софии... произошло нечто ужасное. Нашли тело. Евнуха из ближней свиты патриарха. Говорят, на теле — знаки. Такие, что священники боятся их назвать вслух.

Димитриос разломил печать. Внутри — всего несколько строк, но они заставили кровь похолодеть:

«Димитриос. Немедленно явись в Святую Софию. Дело государственной важности. Молчи о том, что увидишь. Алексей».

Он сложил свиток и сунул за пояс. Взгляд снова метнулся к кораблям с крестами. В груди шевельнулось недоброе предчувствие. «Они принесли не только веру, — подумал он. — Они принесли что-то ещё».

Где-то в глубине города, далеко, но отчётливо, раздался крик. Не человеческий — будто кто-то разорвал кожу с криком боли и ужаса. Димитриос напряг слух. Крик повторился, затем стих.

Евнух побледнел:
— Что это было?

Димитриос не ответил. Он уже знал. Это был звук, знакомый ему ещё с тех пор, как двадцать лет назад горели храмы «чёрных братьев». Звук пробуждения тьмы.

По улице пробежала женщина, крича: «Они идут! Они уже здесь!» За ней — группа монахов с факелами, скандиру-

ющих: «Искушение через кровь!» На соседней площади зазвонил набат — тревожно, беспорядочно. Люди выбегали из домов, толкались, крестились. Кто-то упал, но толпа, охваченная паникой, не остановилась — лишь ускорила шаг. В воздухе повисло ощущение надвигающейся беды, будто сам город затаил дыхание.

Димитриос сжал рукоять кинжала. Его прошлое, которое он пытался похоронить, возвращалось. Воспоминания нахлынули: пожар в храме Артемиды — крики, дым, фигуры в чёрных плащах; допрос еретика — тот смеялся, говоря: «Он проснётся, когда придут крестоносцы»; приказ императора — «Забыть. Забыть всё».

Теперь он понимал: это не случайность. Убийства, знаки, страх — всё вело к чему-то большему. Что-то древнее и злое пробуждалось под улицами Константинополя, и крестоносцы, сами того не зная, стали ключом к его освобождению.

— Пойдём, — бросил он слуге. — Покажи мне это тело. И молись, чтобы мы успели остановить то, что началось.

Они спустились по мраморным ступеням, и город поглотил их — золотой, величественный, смертельно опасный Константинополь, Врата Востока, где сходятся пути мира и безумия. Ветер донёс запах ладана и железа. Где-то вдали

снова зазвонили колокола — на этот раз все сразу, будто сам город кричал в тревоге.

Глава 2. Кровь на мозаике

Святая София встретила Димитриоса холодом и тишиной. Величественный купол, казалось, давил на плечи, а мозаики святых смотрели с укором. Воздух здесь был густым от ладана и чего-то ещё — сладковатого, тошнотворного. Запах смерти.

У алтаря толпились священники. При виде Димитриоса они расступились, как волны Красного моря. На полу, прямо на золотой мозаике с изображением архангела Михаила, лежало тело.

Евнух из ближней свиты патриарха. Его лицо застыло в гримасе ужаса, глаза широко раскрыты, будто он увидел нечто, что не положено видеть смертному. Но страшнее всего были знаки.

Димитриос опустился на колени, стараясь не запачкать плащ в крови. Она ещё не успела загустеть — убийство произошло недавно. На груди жертвы, прямо над сердцем, были вырезаны три символа: круг с точкой в центре, перевёрнутый треугольник с линией внутри и спираль, закрученная против часовой стрелки. Они были вырезаны аккуратно, глубоко — словно кто-то выполнял ритуал, а не просто калечил тело.

— Что это значит? — тихо спросил Димитриос у архидьякона, стоявшего рядом.

Тот перекрестился, но, помедлив, всё же ответил:

— Не знаю. Но мне кажется, я видел нечто похожее в древних хрониках о катакомбных ересях. Там упоминались знаки, пробуждающие духов земли.

Димитриос достал из сумки увеличительное стекло — подарок венецианского мастера — и принялся изучать символы внимательнее. Под определённым углом стало видно, что линии слегка светятся тусклым, болезненно-зелёным светом. «Экстракт светящихся грибов? — подумал он. — Или что-то... иное?»

Он осмотрел руки жертвы. Пальцы были испачканы в чём-то чёрном, липком. Пахло серой и гнилью.

— Где его нашли? — спросил Димитриос.

— У северной стены, возле ниши с мощами святого Евстафия, — ответил архидьякон. — Один из послушников услышал странный звук — будто кто-то скребётся за стеной. Когда открыли нишу... он потерял сознание.

Димитриос подошёл к нише. Мощи святого были на месте, но каменная плита, закрывавшая тайник за ними, была сдвинута. Он провёл рукой по краям — на пальцах остался тот же чёрный налёт, липкий и холодный на ощупь.

В этот момент он заметил ещё одну деталь. На мозаике, прямо под телом, часть золотых плиток была повреждена. Не просто поцарапана — будто оплавлена. И эта деформация повторяла очертания символов на груди жертвы. «Совпадение? — мелькнуло в голове. — Или часть ритуала?»

Из-за колонны донёсся шорох. Димитриос резко обернулся, положив руку на кинжал. Там, в тени, стояла фигура в чёрном плаще с капюшоном.

— Кто здесь? — резко спросил он.

Фигура не ответила. Вместо этого она медленно подняла руку и указала на мозаику с архангелом Михаилом. Тот самый архангел, чьи глаза теперь казались... живыми. Холодный взгляд будто пронзал насквозь, а крылья, прежде застывшие в благородном изгибе, словно чуть шевельнулись.

Димитриос сделал шаг вперёд, сжимая рукоять кинжала.

— Покажись, — приказал он твёрдо, стараясь не выдать нарастающей тревоги. — Я не стану спрашивать дважды.

Но фигура лишь покачала головой — едва заметное движение в полумраке. Затем медленно отступила вглубь тени, будто растворяясь в ней. В последний момент капюшон чуть сдвинулся, и Димитриос уловил блеск чьих-то глаз — тёмных, пронзительных, полных странной, почти звериной хитрости.

Когда Димитриос снова посмотрел в ту сторону, фигура исчезла. Только лёгкий сквозняк шевелил края чёрного плаща, на мгновение зацепившегося за резной узор колонны, да слабый запах ладана и чего-то ещё, едкого и незнакомого, витал в воздухе.

Он сделал несколько шагов к тому месту, где только что стоял незнакомец, и провёл рукой по холодному камню колонны. Пальцы нащупали свежий след — тонкую царапину, повторяющую очертания круга с точкой в центре. Тот самый знак.

«Они следят не просто за мной, — понял Димитриос. — Они знают каждый мой шаг. И хотят, чтобы я это понял».

Он обернулся к архидьякону, который всё это время стоял в стороне, бледный и напряжённый.

— Вы видели? — спросил Димитриос, указывая на колонну.

Архидьякон медленно подошёл, взгляделся в царапину и перекрестился.

— Видел, — прошептал он. — И это не к добру. Эти знаки... они как метки. Словно кто-то метит добычу перед охотой.

Димитриос сжал кулаки. В голове крутились обрывки воспоминаний: пожар, крики, фигуры в чёрном. Всё возвращалось. Но теперь ставки были выше.

Он опросил послушников. Один из них, бледный юноша с дрожащими руками, признался:

— Я слышал шёпот. Из-за стены. Слова были незнакомые, но... они отзывались в голове. Будто кто-то говорил прямо мне в мозг.

Другой добавил:

— А ещё свет. Зелёный свет, который шёл из-под пола. Я подумал, что это от лампы, но... лампы там не было.

Димитриос вышел из храма на площадь. День уже клонился к вечеру, тени удлинялись, а в воздухе висело ощущение, будто что-то вот-то произойдёт. Камень под ногами казался холоднее обычного, а далёкий звон колоколов звучал не как прежде — не призыв к молитве, а предупреждение.

К нему подбежал мальчишка-посыльный:
— Господин, вам письмо!

Он протянул свиток, перевязанный чёрной нитью. Без печати, но бумага была дорогой, необычной — с лёгким перламутровым отливом, будто пропитанной чем-то. Димитриос развязал узел. Внутри был всего один лист с коряво выведенными буквами, словно писавший торопился или скрывал свой почерк:

«Ты видишь знаки, но не понимаешь их. Остановись, пока не поздно. Или станешь следующим».

Димитриос сжал бумагу в кулаке. Ветер подхватил край пергамента, и на мгновение ему показалось, что буквы на нём дрогнули, будто живые. Кто-то следил за ним. Кто-то знал, что он возьмётся за это дело. И кто-то очень хотел, чтобы он отступил.

Он оглянулся на Святую Софию. Купол теперь казался не величественным, а угрожающим. Мозаики святых больше не смотрели с благостью — они наблюдали. Следили. Ждали.

Где-то глубоко под городом, в древних катакомбах, что-то шевельнулось. Будто огромный зверь, спавший веками, по-

чуял запах свежей крови.

Димитриос потёр шрам на щеке. Он знал, что это только начало. Убийства будут продолжаться. Знаки станут сложнее. А граница между реальностью и кошмаром — тоньше.

Он направился к дворцу, но на полпути остановился. На стене ближайшего дома, прямо над его головой, был нарисован тот же символ — круг с точкой в центре. Свежая краска ещё стекала каплями, похожими на кровь.

«Они не просто следят за мной, — понял он. — Они ведут меня. Куда-то. К чему-то».

Глава 3. Тень из прошлого

Димитриос шёл по улицам Константинополя, и каждый шаг отдавался эхом в его голове. Символ — круг с точкой в центре — преследовал его. Он видел его в узорах мостовой, в сплетении ветвей редких городских деревьев, даже в каплях воды, стекающих с карнизов. Будто сам город предостерегал его: «Путь, на который ты вступил, ведёт во тьму».

Город будто изменился за одну ночь. Тени стали гуще, словно налились свинцом, и ложились на мостовые неровными кляксами. Звуки — шаги, скрип дверей, далёкие голоса — доносились с искажением, будто сквозь толщу воды. В каждом переулке чудилось движение: то тень скользнёт за

углом, то мелькнёт край чёрного плаща. В каждом шёпоте слышался намёк на угрозу. Димитриос знал этот страх — он чувствовал его двадцать лет назад, когда горели храмы «чёрных братьев». Тогда огонь пожирал не только камни, но и память. Теперь она возвращалась, чтобы отомстить.

Он свернул в узкий переулок, ведущий к его дому в районе Влахерн. Здесь, вдали от дворцов и главных улиц, жили ремесленники и мелкие торговцы. Но сегодня даже этот привычный район казался чужим, враждебным. Окна домов смотрели слепо, ставни были плотно закрыты. На улице — ни души. Только ветер гонял обрывки пергамента и ворошил мусор у стен.

У двери своего дома Димитриос замер. Ручка была тёплой, будто кто-то только что её касался. На пороге лежал свёрток, перевязанный той же чёрной нитью, что и письмо у Святой Софии. Внутри — старая книга в кожаном переплёте, потрёпанная, с выцветшими чернилами. Кожа обложки была шершавой на ощупь, будто не из кожи вовсе, а из чего-то иного.

«Трактат о Спящих под Городом», — прочитал он на обложке.

Страницы были испещрены схемами, рисунками стран-

ных существ с множеством глаз и щупалец, описаниями ритуалов с перечнями жертв. На одном из разворотов — подробное изображение тех самых символов, что были вырезаны на теле жертвы. Рядом — заметка на полях, сделанная другим почерком: «Пробуждение наступит, когда придут воины креста. Кровь откроет врата».

Димитриос закрыл книгу, чувствуя, как по спине пробежал холодок. Всё сходилось: крестоносцы прибыли, первое убийство совершено, знаки появились. Кто-то целенаправленно готовил пробуждение чего-то древнего и ужасного. Он провёл пальцем по обложке — под кожей что-то шевельнулось, будто насекомое. Отдёрнул руку. Книга лежала неподвижно. «Показалось?»

Он решил навестить Марка Ксифилина, старого библиотекаря Великой библиотеки, единственного человека, которому ещё мог доверять.

Библиотека встретила его тишиной и запахом пергамента, но в этот раз запах был другим — к нему примешивался сладковатый, тошнотворный аромат, напоминающий запах крови. Марк, сгорбившись над столом, перебирал свитки. При виде Димитриоса он вздрогнул:

— Ты пришёл за тем же, что и другие? — хрипло спросил он.

— Другие? — насторожился Димитриос.

— Да. Двое в плащах без знаков. Спрашивали о древних культах, о «Спящих». Я не дал им ничего. Но они вернутся.

Марк достал из-под стола потрёпанную рукопись:

— Вот. Последнее, что я нашёл. Описывает ритуал пробуждения. Для завершения нужно семь жертв, каждая — с определённым символом. И последняя жертва должна быть... императорской крови.

Димитриос почувствовал, как кровь отхлынула от лица. Если ритуал действительно требует семи жертв, то они уже на пути к цели. И если последняя должна быть из императорской семьи...

Выходя из библиотеки, Димитриос заметил слезку. Тень в плаще скользила за ним, прячась в переулках. Он резко свернул за угол и прижался к стене. Когда фигура в плаще появилась в проходе, Димитриос бросился на неё.

Под капюшоном оказалось лицо молодого монаха, бледного и испуганного.

— Я не враг! — прошептал он. — Я из братства Святого Марка. Мы следим за культом «чёрных братьев» уже десять лет. Они вернулись, господин. И они готовят что-то страшное.

— Что именно? — жёстко спросил Димитриос.

— Пробуждение Того, Кто Спит Под Городом. Древнее божество, которому поклонялись ещё до основания Византии. Его храм был под Святой Софией, но его запечатали, замуровали, забыли. А теперь они хотят открыть его снова.

Монах протянул свиток:

— Здесь имена тех, кто может быть следующей жертвой. И место, где, возможно, держат жрецов культа.

Димитриос развернул свиток. В списке было пять имён, среди них — имя патриарха. А внизу — адрес заброшенного дома у старых цистерн.

К вечеру Димитриос добрался до указанного места. Дом стоял на окраине, окружённый зарослями терновника с шипами длиной с палец. Дверь была выломана, внутри — следы недавнего присутствия. На полу — пятна крови, на стенах — те же символы, что и на жертве. Воздух здесь был густым, липким, будто пропитанным страхом.

Из подвала доносились звуки — низкий гул, похожий на хор сотен голосов, шепчущих в унисон. Димитриос достал кинжал и факел, зажгёт огонь. Пламя дрогнуло, будто от невидимого ветра, и на мгновение в его отблесках он увидел фигуры в чёрных плащах, склонившиеся над чем-то в центре

подвала.

Они повернулись к нему. Лица скрывали маски, но глаза светились тем же болезненно-зелёным светом, что и символы на теле жертвы.

— Ты опоздал, следовательно, — произнёс один из них глухим, нечеловеческим голосом. — Ритуал начался. Кровь уже пролилась. Скоро Он проснётся.

Факел в руке Димитриоса погас. В кромешной тьме он услышал шаги, приближающиеся со всех сторон. Что-то холодное, влажное коснулось его шеи.

— Но ты можешь стать частью Его пробуждения, — прошептал голос совсем рядом.

Димитриос отпрянул, ударил наугад кинжалом. Раздался крик, затем топот ног — фигуры бросились прочь через потайной ход в стене.

Когда он снова зажёл факел, подвал был пуст. На полу осталась только одна вещь — медальон с изображением круга и точки в центре. Димитриос поднял его, сжал в кулаке. Металл был ледяным, и от него исходило слабое пульсирующее тепло, будто внутри билось чужое сердце.

Теперь он знал: времени почти не осталось. До седьмой

жертвы — считанные дни. И он был единственным, кто мог это остановить

Глава 4. Кровь и пепел

Димитриос вернулся домой, но покоя не было. Медальон, лежавший на столе, пульсировал слабым светом — будто дышал. Димитриос накрыл его куском чёрной ткани, но зеленоватое свечение пробивалось сквозь материю.

Он разложил перед собой свиток с именами потенциальных жертв. Патриарх — первое имя в списке. Следующие четыре оставались загадкой. Седьмая жертва — из императорской крови. Димитриос провёл пальцем по пергаменту. Кто-то методично шёл к цели, и времени оставалось всё меньше.

За окном послышался шорох. Он резко обернулся. В щели ставни что-то блеснуло — глаз? Коготь? Он шагнул к окну, но там уже никого не было. Только ветер гнал по улице обрывки пергамента и ворошил мусор.

Димитриос решил отправиться в архивы Великой библиотеки — искать упоминания о «Спящих» и древних ритуалах. Путь лежал через тёмные кварталы, где фонари горели редко, а тени казались слишком густыми.

На углу улицы Святой Ирины он остановился. В луже,

отражавшей бледный свет луны, плавали красные капли. Кровь. Она тянулась тонкой дорожкой к старой часовне. Димитриос достал кинжал и двинулся следом.

Дверь часовни была приоткрыта. Внутри пахло ладаном и чем-то ещё — гнилью, разложением. На полу, прямо перед алтарём, лежало тело. Молодой монах, тот самый, что предупреждал его о культе. Глаза были выколоты, на груди вырезаны те же символы: круг с точкой, перевёрнутый треугольник, спираль.

Рядом с телом лежал свиток. Димитриос развернул его дрожащими руками. Это был фрагмент древнего текста — описание ритуала пробуждения. Семь жертв, семь знаков, семь ночей. Каждая жертва усиливала связь с Тем, Кто Спит Под Городом. Последняя капля крови должна была пролиться в ночь полнолуния — через три дня.

Внизу страницы, дрожащим почерком, было дописано: «Они знают, что ты ищешь. Остерегайся теней — они видят в темноте».

Архивы встретили его тишиной и запахом старого пергамента. Димитриос зажёл лампу и начал перебирать свитки. Один из них привлёк его внимание — «О запечатанных врагах и древних богах». В нём говорилось о храме под Святой

Софией, где поклонялись существу, чьё имя не смели произносить вслух. Его запечатали, замуровали, но культ «чёрных братьев» сохранил память.

На полях кто-то сделал пометку: «Печать слабеет. Когда придут воины креста, врата откроются вновь».

Димитриос замер. Крестonosцы прибыли. Первое убийство совершено. Ритуал шёл по плану.

Он услышал шаги за спиной. Резко обернулся — в проходе между стеллажами мелькнула тень. Высокая, неестественно прямая. Димитриос бросился следом, но когда достиг конца прохода, там никого не было. Только на полу остались следы — будто кто-то протащил что-то тяжёлое в сторону подвала.

Лестница в подвал была узкой и крутой. Воздух становился всё тяжелее, пахло сыростью и чем-то металлическим. Внизу горели факелы — странно, ведь архивы никогда не освещали так глубоко.

В центре зала стоял стол. На нём — раскрытая книга с теми же символами. Вокруг — семь свечей, пять из них горели. Шестая лежала сломанная. Седьмая, самая большая, оставалась нетронутой.

У стены, прикованный цепями, висел Марк Ксифилин. Глаза старика были открыты, но он не двигался. Димитриос подбежал к нему, коснулся шеи — пульса не было. На груди — вырезанный символ: спираль. Пятая жертва.

— Ты опоздал, — раздался голос за спиной.

Димитриос обернулся. В дверном проёме стоял человек в чёрном плаще. Лица не было видно, но глаза светились тем же болезненно-зелёным светом.

— Он пробуждается, — продолжил незнакомец. — Ты чувствуешь? Город дрожит. Камни шепчут. Скоро Он выйдет.

— Кто ты? — глухо спросил Димитриос.

— Я — последний из тех, кто помнит. И первый, кто встретит Его.

Незнакомец поднял руку. Свечи на столе вспыхнули ярче, пламя закружилось, образуя в воздухе очертания символов. Воздух загустел, стало трудно дышать.

Димитриос выхватил кинжал.

— Ты не получишь остальных жертв.

— О, получишь, — усмехнулся незнакомец. — Потому что следующая — твоя.

Он сделал шаг вперёд. Димитриос бросился на него, но фигура растаяла в воздухе, оставив после себя лишь запах серы и слабый отблеск зелёного света.

Димитриос стоял над телом Марка. В голове крутились обрывки информации: семь жертв, полнолуние через три дня, патриарх в списке, императорская кровь.

Он поднял с пола медальон — тот больше не пульсировал. Вместо этого на его поверхности проступил новый символ: спираль, закрученная против часовой стрелки. Пятый знак.

Где-то далеко, под улицами Константинополя, что-то шевелилось. Будто гигантское сердце, спавшее веками, сделало первый удар.

Димитриос закрыл глаза. Теперь он знал, что делать. Завтра он пойдёт к патриарху. Завтра он раскроет правду. А пока — ночь, тени и отсчёт последних дней до полнолуния.

Глава 5. Шестая ночь

Ночь накрыла Константинополь, как тяжёлый саван. Димитриос шёл к патриарху через пустынные улицы — город словно вымер. Даже бродячие собаки попрятались. В воздухе висела гнетущая тишина, нарушаемая лишь редкими порывами ветра, который шевелил лохмотья на виселицах у во-

рот.

Он сжимал в кармане медальон — тот больше не пульсировал, но поверхность его оставалась тёплой, почти горячей. Символ спирали теперь казался вдавленным в металл, будто выжженным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.